

УДК 903.27

А.М. Новичихин¹, В.А. Трифонов²¹*Анапский филиал Сочинского государственного университета туризма и курортного дела
ул. Чехова, 69, г. Анапа, 353410, Краснодарский край, Россия*²*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: viktor_trifonov@mail.ru*

ЗООМОРФНОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ АНАПСКОГО МУЗЕЯ

Происхождение находки

Каменное фигурное навершие, ставшее предметом настоящей публикации, было найдено случайно в середине 1950-х гг. в 30 км севернее Анапы (рис. 1) на виноградниках совхоза “Прикубанский” к северу от хутора Чекон, между хутором и автотрассой Юровка–Варениковская. В этом районе расположено несколько курганов [Салов, 1979, с. 101, № 40а, 41], относящихся к группе т.н. Малых Семибратних.

Около 25 лет навершие хранилось у жителей Чекона, а в 1979 г. было передано сотрудникам Анапской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, проводившим охранные раскопки на некрополе расположенного поблизости Семибратнего городища. В 1982 г. вместе с другими находками навершие поступило в Анапский археологический музей, в экспозиции которого находится в настоящее время*.

Описание навершия

Навершие изготовлено из твердого камня серо-зеленого цвета с многочисленными светлыми вкраплениями (разновидность порфирита?) и представляет

собой стилизованное изображение головы животного со сквозным просверленным отверстием для рукояти (рис. 2). На опущенном книзу округлом рыле рельефно выделены толстогубая пасть и широко расставленные ноздри, каждая из которых имеет внизу каплевидную выемку и окружена двумя желобками. Изображение глаз отсутствует. От остальной части крутолобой головы рыло отделяет глубокая круговая выемка. Такой же выемкой разделены лобная и теменная части. По обеим сторонам последней сразу за выемкой рельефно выделены опущенные книзу уши. Противоположная морде сторона навершия более массивна и также опущена книзу. Она в самом общем виде повторяет очертания головы, лишена детальной проработки, есть только горизонтальное ребро, отделяющее слегка покатую верхнюю часть от округлой нижней. Сквозное коническое отверстие для рукояти просверлено таким образом, что сверху оно расположено приблизительно посередине навершия, а внизу оказывается смещенным ближе к передней части. Вся поверхность изделия тщательно заполирована, сверху имеются два точечных скола.

Максимальные размеры навершия 10,8 × 6,5 × 6,7 см. Нижний диаметр отверстия 1,9 см, верхний – 1,2 см.

Культурно-хронологическая атрибуция

Ближайшим аналогом рассматриваемого изделия является навершие, случайно найденное в 1949 г. недалеко от с. Аксай Волгоградской обл. (рис. 3) [Цуцкин, 1981]. Изделия чрезвычайно схожи по форме, раз-

* Полевой шифр СБР-79, оп. 15. Номер по книге поступлений АМ-10910, инв. № А-4763. Предварительное сообщение о находке содержится в заметке об итогах работ экспедиции в 1979 г. [Алексеева, Шавырин, 1980, с. 92]. Авторы выражают признательность начальнику Анапской экспедиции Института археологии РАН д-ру ист. наук Е.М. Алексеевой за предоставленную возможность публикации навершия.

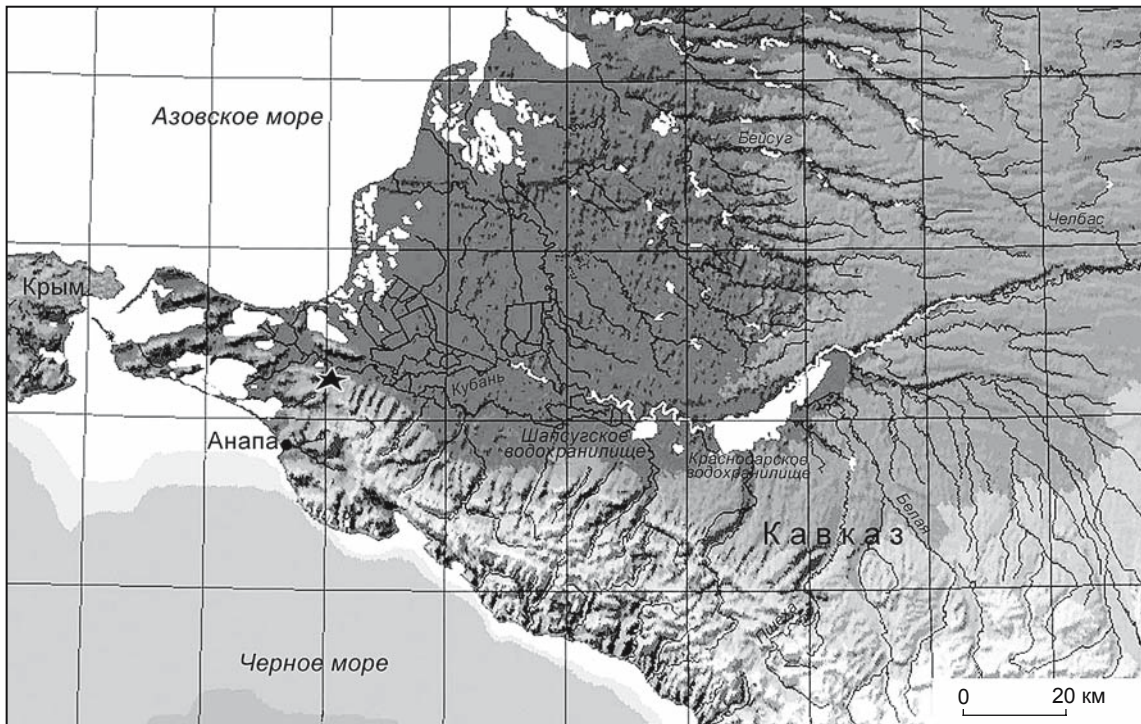

Рис. 1. Место обнаружения зооморфного навершия (обозначено звездочкой) в окрестностях г. Анапы (Краснодарский край).

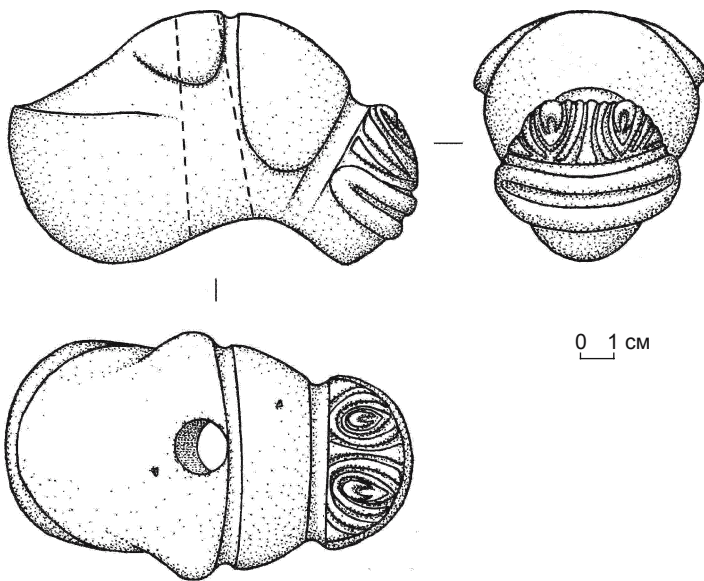

Рис. 2. Каменное зооморфное навершие, случайно найденное возле хутора Чекон (Краснодарский край).

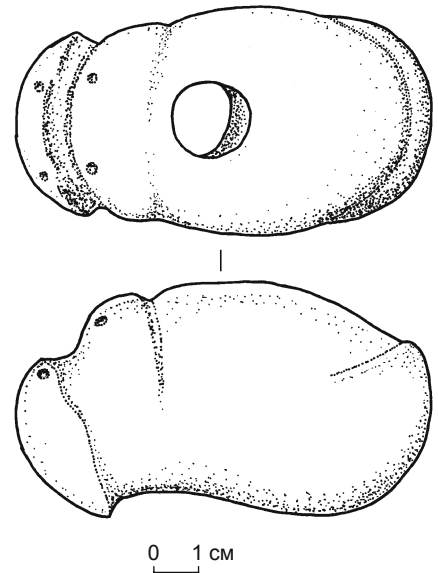

Рис. 3. Каменное зооморфное навершие, случайно найденное недалеко от с. Аксай Волгоградской обл. (по: [Цуцкин, 1981]).

мерам, способу и месту крепления рукояти, а также материалу и характеру его обработки. Различия относятся главным образом к деталям оформления передней части морды животного: на навершии из Аксая нет ни концентрических желобков вокруг ноздрей, ни рельефного изображения губ.

Определенные элементы сходства с находками из Аксая и Чекона демонстрирует втульчатое навершие, хранящееся в Мариупольском музее (рис. 4) [Даниленко, 1974, с. 105, рис. 69, 1]. При всех отличиях в форме и пропорциях эти изделия сближает стиль и техника исполнения деталей морды животного (рельеф, желоб-

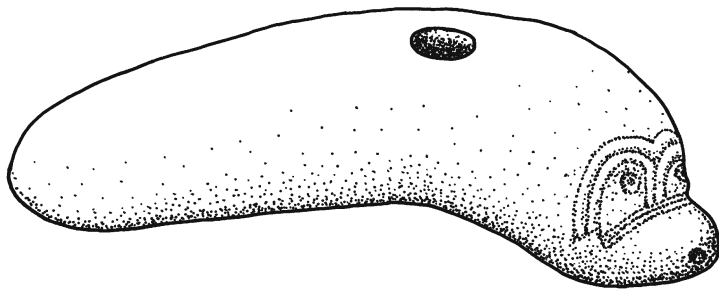

Рис. 4. Каменное зооморфное наконечник (по: [Даниленко, 1974], без масштаба). Случайная находка. До Великой Отечественной войны хранилось в Мариупольском музее.

ки), а также способ и место крепления рукояти. К сожалению, случайный характер всех трех находок значительно затрудняет их культурно-хронологическую идентификацию, основу которой пока составляют только косвенные наблюдения.

По ряду стилистических особенностей наконечники из Анапского музея сопоставимо с немногочисленной группой “реалистических” зооморфных скипетров эпохи энеолита, происходящих с обширной территории юга Восточной Европы от Урала до Балкан и Карпат (рис. 5). Эти находки сближает манера изображения

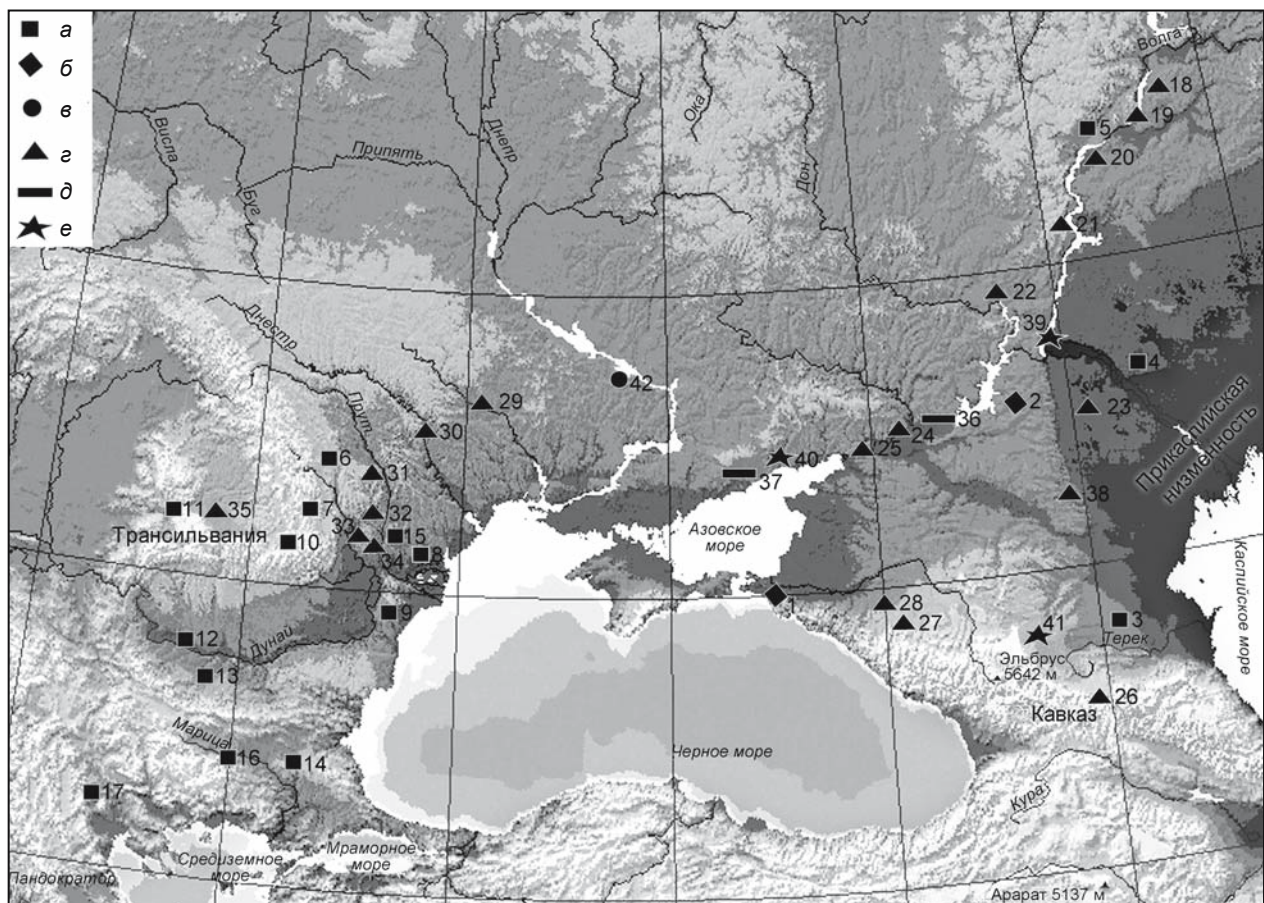

Рис. 5. Карта распространения каменных наконечников (1–41) и зооморфной глиняной пластики (42) (составлена по данным: [Даниленко, 1974; Телегин, 1973; Цуцкин, 1981; Govedarica, Kaiser, 1996; Руссев, 2003; Кияшко, 2004]).

1 – Чекон; 2 – Аксай; 3 – Терекли-Мектеб; 4 – Кокберек; 5 – Хлопково городище; 6 – Феделяшени; 7 – Фитионешти; 8 – Суворово; 9 – Касимче; 10 – Ариушд; 11 – Винтул де Жос; 12 – Сэлкуце; 13 – Телиш; 14 – Драма; 15 – Кайраклия; 16 – Режево; 17 – Суводол; 18 – Куйбышев (Саратов); 19 – Хвалынский могильник; 20 – Хлопково городище (могильник); 21 – Даниловка; 22 – Шляховский II; 23 – Джангр; 24 – Константиновское; 25 – Ростов-на-Дону; 26 – Владикавказ; 27 – Ясенова Поляна; 28 – Майкоп; 29 – Березовская ГЭС; 30 – Верхние Жоры; 31 – Моголешти; 32 – Бирлалешти; 33, 34 – Обершени; 35 – Валени; 36 – Мариинская; 37 – Берда; 38 – Архара; 39 – Волгоград; 40 – Мариуполь; 41 – Водопадный; 42 – Деревка.

a – зооморфные наконечники с черенковым креплением; *b* – зооморфные наконечники с втульчатым креплением; *v* – зооморфная глиняная пластика; *z* – “абстрактные” наконечники с черенковым креплением, тип 1; *d* – “абстрактные” наконечники с черенковым креплением, тип 2; *e* – булавы “второго мариупольского типа”.

крутолобой морды животного с вздернутым рылом, толстогубой рельефной пастью и высоко посаженными выступающими ноздрями, иногда окруженными желобками (рис. 6). В разной степени указанные черты присущи большинству “реалистических” зооморфных скипетров, общее количество которых пока не превышает 17 экз.* Навершия из Аксая и Чекона отличаются от этих изделий не только моделировкой и общими пропорциями, но и способом крепления к рукояти. Данные различия до сих пор остаются предметом культурно-хронологических спекуляций, целью которых является определение времени и места первого появления зооморфных скипетров, особенностей их типологической эволюции и направления территориального распространения. По мнению Б. Говедарицы и Э. Кайзер, зооморфные навершия с просверленным отверстием для крепления рукояти представляют особую разновидность этой категории изделий и их следует исключить из типологической классификации зооморфных скипетров с черенковым насадом [Govedarica, Kaiser, 1996, S. 66], в то время как А.Д. Резепкин, напротив, полагает, что именно втульчатые скипетры являются исходным типом в эволюции зооморфных наверший [2002]**. При отсутствии достоверных данных о хронологических приоритетах какого-либо одного типа наверший перед другими все заключения относительно их типологического развития пока остаются только в разной степени правдоподобными предположениями. Другими словами, при датировке навершия из Чекона в расчет следует принимать, в первую очередь, археологический контекст, в котором найдены “реалистические” зооморфные скипетры. В западной части территории их распространения (Северо-Западное Причерноморье – Подунавье – Карпаты) эти изделия обнаружены в энеолитических слоях поселений группы Кукутень А – Ариушд, Сэлкуце и Суводол, а также в погребениях того же времени, чья культурная принадлежность до сих пор остается

* Наиболее полная сводка зооморфных скипетров, а также библиография по проблематике их изучения опубликованы в работе Б. Говедарицы и Э. Кайзер [Govedarica, Kaiser, 1996]. Изображение упомянутого в этой сводке скипетра из Астраханской обл. (Кокберек) впервые было опубликовано Ю.Ю. Пиотровским в каталоге новых поступлений в Эрмитаж в 1997 г. [Новые поступления..., 1997, с. 85] и воспроизведено И.В. Манзурой [2000]. Зооморфный скипетр, найденный в 1998 г. на юге Молдавии (Кайраклия), опубликован Н. Руссевым [2003].

** А.Д. Резепкин остроумно предположил, что шип на черенке крепления “реалистических” и “схематических” скипетров представляет собой рудиментарное проявление более раннего способа втульчатого крепления и является изображением верхней части деревянной рукояти. Если это действительно так, то мы имеем дело с прежде неизвестным явлением смены втульчатого крепления на черенковое.

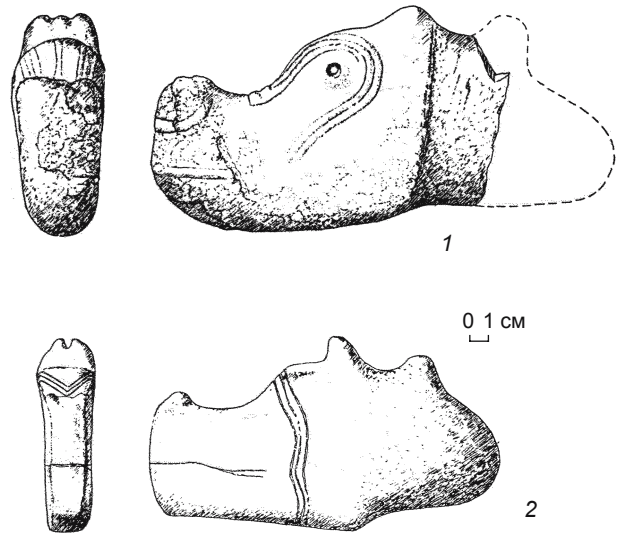

Рис. 6. Орнаментированные зооморфные навершия с черенковым креплением (по: [Govedarica, Kaiser, 1996, S. 89, Abb. 14; S. 94, Abb. 19, I]).

1 – Касимче; 2 – Сэлкуце.

предметом дискуссий (Касимче, Суворово)*. На востоке ареала (Нижнее Поволжье – Северный Кавказ) достоверно известно о культурном контексте только одного зооморфного навершия, найденного в погребении хвалынской культуры [Малов, 1987]. В целом принято считать, что “реалистические” зооморфные скипетры были в употреблении в период существования культур типа Кукутень А – Триполье А-В I – ранней среднестоговской – новоданиловской (в другой интерпретации – скелянской)** – хвалынской, т.е. приблизительно во второй половине V – начале IV тыс. до н.э. [Манзура, 2000]. Этим же временем может быть датировано и навершие из Анапского музея. Именно в данный период окрестности Анапы и, шире, все Предкавказье были охвачены культурными связями с другими областями распространения зооморфных наверший. Эта культурная среда в разное время описывалась как “хвалынско-среднестоговская культурно-историческая область” [Васильев, 1981], “европейская степная энеолитическая общность” [Нечитайло, 1996] или “евразийская скотоводческая

* Д.Я. Телегин рассматривает их в рамках новоданиловской культуры, Ю.Я. Рассамакин относит погребения суворовской группы к скелянской культуре, а И.В. Манзура считает, что они представляют самостоятельную культурную группу [Телегин и др., 2001; Rassamakin, 1999; Manzura, 1994].

** Подробно о проблемах культурно-хронологической систематизации энеолитических культур в европейской степи можно узнать из многочисленных работ последних лет Д.Я. Телегина, В.А. Дергачева, А.В. Нечитайло, Ю.Я. Рассмакина и И.В. Манзуры, в т.ч. указанных в списке литературы к этой статье.

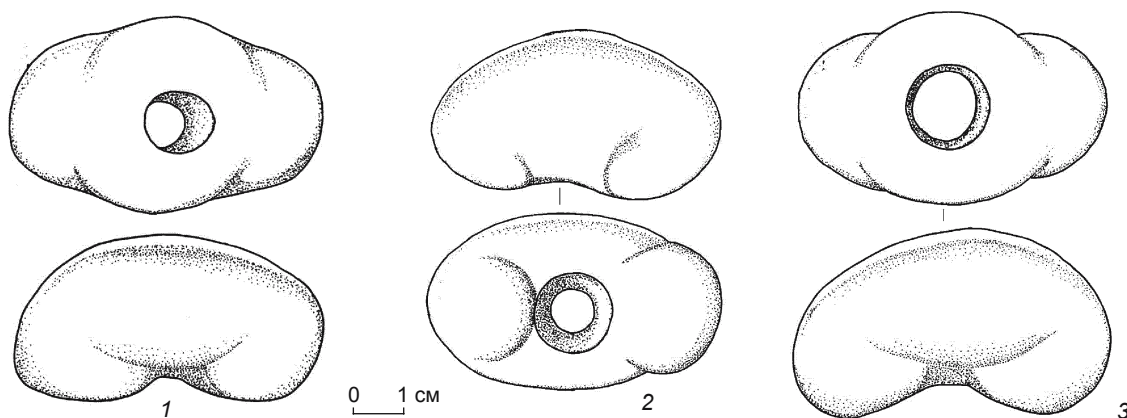

Рис. 7. Каменные булавы “второго мариупольского типа”.

1 – Волгоград (случайная находка) (по: [Васильев, 2003б]); 2 – Водопадный (случайная находка) (по: [Марковин, 1960]); 3 – Мариупольский могильник, погр. XXIV (по: [Макаренко, 1933]).

историко-культурная провинция” [Малов, 1982]. Она охватывала огромную территорию между оседло-земледельческими мирами Балкан и Кавказа, в пределах которой наряду с зооморфными навершиями имели распространение и другие культурные символы и ценности, в т.ч. редкие для степи изделия из декоративных пород камня (порфирит, серпентин, диабаз, обсидиан, гагат, горный хрусталь), а также наборы украшений из меди, золота, раковин и эмали клыков кабана. При датировке навершия из Чекона следует иметь в виду, что начальный период вовлечения Предкавказья в систему трансстепных связей приходится еще на время, к которому относятся финальные древности мариупольского типа (пластины из эмали клыков кабана, булавы с двумя выступами) [Даниленко, 1974; Шаталин, Резепкин, 2001/2002]. Следовательно, нельзя исключать возможность датировки наверший из Чекона и Аксая не только второй, но и частично первой половиной V тыс. до н.э., т.е. периодом сосуществования культур мариупольского круга (азово-днепровская, нижнедонская, самарская) с хвалынкой*. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения может служить распространение в это же время овальных булав с двумя выступами (“второго мариупольского типа”) (Мариупольский могильник, погр. XXIV; хутор Водопадный возле г. Пятигорска, случайная находка; Волгоградский музей, случайная находка) [Макаренко, 1933, с. 31, 72, рис. 30, табл. XIV; Марковин, 1960, с. 38, рис. 9; Васильев, 2003б, с. 83, рис. 9], которые, судя по их оригинальной форме, мо-

гут представлять схематическую разновидность зооморфных наверший типа Чекон – Аксай (рис. 7)*.

Закключение: скипетры как “решающий аргумент” в археологических спорах

Публикуя прежде неизвестное зооморфное навершие из Анапского музея, нельзя оставить без внимания оживленную дискуссию последних 50 лет относительно источниковедческой ценности этой категории находок. Как справедливо отметил В.Я. Кияшко, «на скипетры продолжают взваливать тяжелый груз “решающих аргументов” в спорах» по ключевым вопросам развития европейской культуры в эпоху энеолита, включая индоевропейскую проблему [2004]. Высокий уровень и ответственность культурно-исторических обобщений, смысл которых во многом определяет интерпретация зооморфных скипетров, стали причиной критического анализа статуса скипетров как “решающих аргументов”. Оказалось, что об этих оригинальных предметах на самом деле твердо известно значительно меньше того, на чем настаивают некоторые оптимистически настроенные авторы.

Действительно, до сих пор, например, бытует мнение, что все без исключения зооморфные скипетры представляют собой в разной степени стилизованные изображения лошадиных голов, иногда взнузданных [Телегин, 2000; Дергачев, 2002; Крюкова, 2003]. Большим энтузиастом такой интерпретации был В.Н. Даниленко [Даниленко, Шмаглий, 1972; Даниленко,

* Вероятность частичной синхронности хвалынской и самарской культур и, шире, мариупольской и хвалынской-среднепалеолитской культурных областей остается предметом продолжительной дискуссии с конца 70-х гг. прошлого столетия [Гей, 1979; Моргунова, 1984, 1989; Пестрикова, 1987; Барынкин, 2004; Васильев, 2003а,б, 2004].

* Зооморфные навершия и т.н. овальные булавы мариупольского типа сближают не только общие очертания и тип крепления, но и некоторые детали, в т.ч. заметная асимметричность наверший и булав относительно втулки для рукояти.

1974], чья точка зрения со временем стала почти общепризнанной, хотя восходит она, вероятно, к небольшому недоразумению, воспоминание о котором сохранил А.А. Иессен. Вместе со скипетром из Терекли-Мектеба в Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде был передан и найденный рядом с ним в 1928 г. скифский наконечник стрелы. Принимая на хранение эти вещи, Г.А. Бонч-Осмоловский решил, что навершие относится к скифскому времени и представляет собой изображение лошадиной головы с уздой [Иессен, 1952]. Это мало чем обоснованное впечатление в работах В.Н. Даниленко и его последователей превратилось в почти неоспоримый факт, открывающий, как тогда казалось, перспективы скорого решения проблемы происхождения индоевропейцев. “Лошадиная” версия так захватила воображение В.Н. Даниленко, что отождествление некоторых зооморфных наверший с образами других животных казалось ему невозможным [1974, с. 93]. Между тем А.А. Иессен (в чьем распоряжении в 1952 г. еще не было скипетра из Суворова с самым реалистичным изображением лошадиной головы), исключая по понятным причинам возможность воспроизведения гиппопотама, на кого отдельные навершия действительно похожи, полагал, что скипетр из Терекли-Мектеба, вероятнее всего, изображает кабана. Приподнятый нос, близкое расположение глаз и ушей, большой рот и линия нижней челюсти характерны, по его мнению, для кабана, а не для лошади. Можно добавить, что навершие из Терекли-Мектеба разделяет общие закономерности стилизации изображения кабана, свойственные глиняной пластике степного энеолита. Я имею в виду фигурку кабана с поселения Деревка [Телегин, 1973, с. 34, рис. 19, 5], общий стиль и моделировка деталей которой в значительной мере соответствуют стилю зооморфных каменных наверший (рис. 8). Из этой стилистической близости каменной и глиняной пластики конечно нельзя делать вывод, что все “реалистические” зооморфные навершия изображают кабана. С учетом их своеобразия кажется справедливым осторожный вывод Б. Говедарицы и Э. Кайзер о возможности преднамеренного стилистического искажения образа реального животного и превращения его в фантастический персонаж [Govedarica, Kaiser, 1996]. Уместно отметить, что отождествление зооморфных скипетров с образом того или иного животного часто зависело не от результатов стилистического анализа, а от предпочтительного выбора версии их происхождения. Со временем сторонниками интерпретации наверший как изображений головы лошади остались главным образом те археологи, которые верят в их восточно-европейское происхождение, а критиками – приверженцы их балканской прародины [Манзура, 2000; Резепкин, 2002]. В свое время В.Н. Даниленко, не рассчитывая на убедительность собственных аргументов в пользу восточно-европейского происхождения

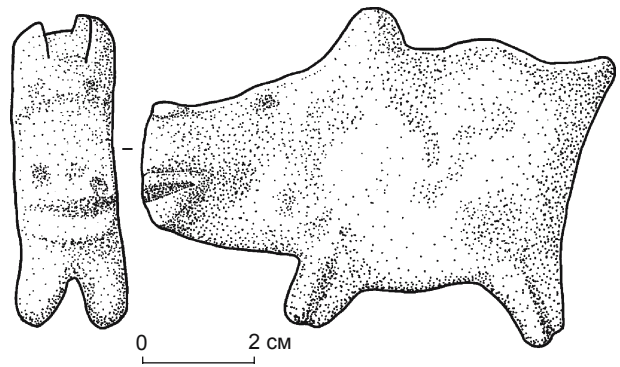

Рис. 8. Глиняная фигурка кабана с поселения Деревка (по: [Телегин, 1973]).

скипетров, представил вопрос решенным, грубо искажив при этом точку зрения А.А. Иессена, якобы придерживавшегося того же мнения [Даниленко, 1974, с. 93]. В действительности, А.А. Иессен полагал, что характер археологических источников в начале 1950-х гг. не позволял определить ни место изготовления скипетров, ни область их первоначального распространения [Иессен, 1952]. И сегодня для этого нет ни хронологических, ни типологических оснований. Казалось бы, бесспорное деление скипетров на две территориальные группы (западную и восточную) также теряет свою очевидность по мере появления новых находок [Кияшко, 2004]. Строго говоря, сомнительной является даже эволюционная связь между зооморфными “реалистическими” и “схематическими” (по другой терминологии “абстрактными”) скипетрами. Единственное, что действительно объединяет обе группы наверший, – это форма и способ крепления их к рукояти*. В остальном они настолько различны, что делают небеспопеченными предположения о существовании разных прототипов соответственно для “реалистических” и “абстрактных” скипетров [Häusler, 1994; Govedarica, Kaiser, 1996]. Остается согласиться с мнением А.А. Иессена и сделать вывод, что и сегодня зооморфные навершия, включая новую находку из Чекона, являются главным образом свидетельством широких связей европейских степных культур с Балканами и Кавказом в V тыс. до н.э., а вот

* Типологическое, хронологическое и географическое соотношение между зооморфными “реалистическими” и “схематическими” скипетрами с черенковым насадом в определенной степени напоминает соотношение между зооморфными навершиями типа Чекона – Аксай и овальными булавами с двумя выступами мариупольского типа. Последние с известной натяжкой можно было бы представить как “схематический” вариант первых (Мариупольский могильник, погр. XXIV; Никольский могильник; хутор Водопадный у Пятигорска, случайная находка; Волгоградский музей, случайная находка) [Макаренко, 1933, с. 59, рис. 11; Марковин, 1960, с. 38, рис. 9; Васильев, 2003б, с. 83, рис. 9].

социальную символику и культурный смысл скипетров, как и причины их широкого распространения, еще предстоит выяснить.

Список литературы

- Алексеева Е.М., Шавырин А.С.** Исследования в Анапе и Анапском районе // АО 1979 года – М., 1980. – С. 91–92.
- Барынкин П.П.** Степное Поволжье и Поднепровье в период энеолита (к проблеме культурогенеза и связей) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 35–38.
- Васильев И.Б.** Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1981. – 129 с.
- Васильев И.Б.** Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. – М., 2003а. – Ч. 1. – С. 55–58.
- Васильев И.Б.** Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопр. археологии Поволжья. – Самара, 2003б. – Вып. 3. – С. 61–80.
- Васильев И.Б.** Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры: Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 47–55.
- Гей А.Н.** Самсоновское многослойное поселение на Дону // СА. – 1979. – № 3. – С. 119–131.
- Даниленко В.Н.** Энеолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1974. – 176 с.
- Даниленко В.М., Шмаглій М.М.** Про один поворотний момент в історії Південної Європи // Археологія. – 1972. – № 6. – С. 3–20.
- Дергачев В.А.** О типологии и интерпретации зооморфных скипетров энеолита Восточной Европы // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 2. – С. 37–40.
- Иессен А.А.** К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. – 1952. – Вып. 46. – С. 48–53.
- Княшко В.Я.** Еще раз об энеолитических скипетрах // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 39–42.
- Крюкова Е.А.** Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита – ранней бронзы // Вопр. археологии Поволжья. – Самара, 2003. – Вып. 3. – С. 134–143.
- Макаренко М.** Мариупольский могильник. – Київ: Изд-во Всеукраїн. акад. наук, 1933. – 151 с.
- Малов Н.М.** Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1982. – С. 82–94.
- Малов Н.М.** Раскопки поселений на Волге // АО 1985 года – М., 1987. – С. 189–190.
- Манзура И.В.** Владеющие скипетрами // Stratum Plus. – 2000. – № 2. – С. 237–295.
- Марковин В.И.** Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.
- Моргунова Н.Л.** Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1984. – С. 58–78.
- Моргунова Н.Л.** Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 118–135.
- Нечитайло А.Л.** Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. – 1996. – № 4. – С. 18–30.
- Новые поступления:** Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 годах: Каталог. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – 144 с.
- Пестрикова В.И.** Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 17 с.
- Салов А.И.** Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. – 1979. – Вып. 159. – С. 98–102.
- Резепкин А.Д.** К вопросу об эволюции энеолитических скипетров // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.): Мат-лы III Междунар. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 66–70.
- Руссев Н.** Новый реалистический скипетр эпохи энеолита из Молдавии // Interferențe culturale-cronologice în spațiul nord-pontic. – Chisinau: Akad. de Șt. a Republica Moldova. Inst. de Arheologie și Etnografie. – 2003. – С. 53–56.
- Телегин Д.Я.** Середньо-Стогівська культура епохи міді. – Київ: Наук. думка, 1973. – 171 с.
- Телегин Д.Я.** К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // РА. – 2000. – № 3. – С. 18–29.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В.** Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. – Луганск: Шлях, 2001. – 152 с.
- Цуцкин Е.В.** Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста: Изд-во КНИИИФЭ, 1981. – С. 67–69.
- Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д.** Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // Stratum Plus. – 2001/2002. – № 2. – С. 447–457.
- Haüslér A.** The North-Pontic Region and the beginning of the Eneolithic in South-East and Central Europe // The Archaeology of the Steppes: Papers from the Intern. Symp. Neapel 1992. – Napoli, 1994. – P. 123–147.
- Govedarica B., Kaiser E.** Die äneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 1996. – Bd. 2. – S. 59–103.
- Manzura I.** Culturi eneolitice în zona de stepă // Thraco-Dacica. – 1994. – N 15. – P. 93–101.
- Rassamakin Yu.** The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A., Tatarintsev N. Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 59–182.

Материал поступил в редколлегию 08.07.05 г.